

Служанки из поместья маркиграфа Цзинъяна знали своё дело: молча несли фонари, указывая дорогу, и ни разу не обернулись.

Когда впереди показались музыканты, Чжао Лои бережно опустил Ли Мэна на землю. Отряхнув его помятый подол, он негромко спросил:

— Тебе лучше?

Ли Мэн тихонько угукнул. В душе его шевельнулось странное чувство. Всякий раз, стоило сердцу бешено заколотиться, Чжао Лои неизменно оказывался рядом и подхватывал его. Словно... словно заранее знал, в какую именно секунду накатит слабость.

Впрочем, поймав на себе встревоженный взгляд Чжао Лои, юноша решил, что просто напридумывал лишнего. После бесконечных изнурительных скитаний наконец-то выдалась возможность выпить и отдохнуть — Ли Мэн едва ли не вприпрыжку поспешил к пиршественным столам. Чжао Лои сел плечом к плечу с ним. Место, которое Хо Ляньюнь приготовил для них двоих, оказалось просторным, с лишним ложем.

Му Цайтан подошла к Ван Ханьчжи и что-то шепнула ему на ухо, после чего тот послушно устроился напротив Ли Мэна.

Под полившиеся звуки музыки в зал впорхнули танцовщицы в алых шелках. Они двигались легко, словно бабочки, маня гибкими осиными талиями, от которых трудно было отвести взор.

Музыка, изысканное вино, величественный зал, кружащиеся в воздухе лепестки цветов и роскошное убранство — всё это казалось Ли Мэну сном из прошлой жизни. Прежде, когда отец был жив, подобное великолепие окружало его изо дня в день. Он вспоминал, как резвился со служанками в огромной усадьбе клана Ли, как прятал жемчужную заколку, купленную братом для невестки, в напольной вазе с павлиньими перьями у дверей спальни. Вспоминал, как лежал у пруда под благоухание лотосов, устроив голову на коленях юной служанки; как засыпал, разморенный чтением, в её нежных объятиях, а проснувшись, вновь утыкался в книгу.

Пьянящий аромат вина кружил голову. Не удержавшись, Ли Мэн обхватил кубок обеими руками и припал к нему, сделав глубокий глоток.

Чжао Лои обменялся приветственным жестом с Хо Ляньюнем, пригубив чашу. Опустив кубок, он заметил, что Ли Мэн уже вовсю прикладывается к хмельному. Крепкое вино быстро сделало своё дело — на бледных щеках юноши проступил нездоровый румянец.

Тарелки перед Ли Мэном ломились от яств. Набивая рот, он заговорщически прошептал Чжао Лои:

— А я знаю, каков на вкус этот зажаренный ягнёнок. Дома братья часто устраивали пиры на

заднем дворе. Слуги забивали жирного барана, а мы сами разводили костёр под вертелом, сыпали специи... Когда мясо начинало шкворчать и исходить соком, его сбрызгивали вином, а потом срезали тонкими ломтиками прямо с огня и тут же ели.

Чжао Лои слушал его очень внимательно.

Захмелев, Ли Мэн заерзал. Духота и алкоголь давили на грудь; он попытался ослабить воротник, но Чжао Лои мягко перехватил его ладонь и не выпускал из своей руки. Повернувшись к слугам, он велел принести горячего чая. Закончив свой сбивчивый рассказ, Ли Мэн уставился в пространство ословелым взглядом. Когда подали пиалу, он послушно отпил чай прямо из рук мужчины, после чего окончательно затих, послушно принимая из чужих рук любые кусочки еды.

Темп музыки сменился на стремительный, плясовой. На середину зала выпорхнули танцовщицы из восточных племён. В полупрозрачных ярких одеждах они закружились в неистовом вихре, их многослойные юбки распускались пышными бутонами экзотических цветов.

Ли Мэн совсем обмяк и привалился к плечу Чжао Лои.

Хо Ляньюнь бросил на них короткий, едва заметный взгляд и тут же отвернулся. К нему скользнула Му Цайтан. Склонившись к самому уху маркиграфа, она что-то быстро зашептала. На лице хозяина поместья промелькнуло беспокойство.

Раскатистый, зычный хохот бесцеремонно ворвался в залу, и музыка мгновенно оборвалась.

В зал вошёл высокий, представительный мужчина ростом под два метра. На нём было простое серое одеяние свободного кроя, однако дорогая ткань выдавала в нём человека высокого положения. Он небрежно приветствовал хозяина дома, сложив руки перед грудью:

— Услыхал, что маркиграф Цзинъян изволил вернуться, и не усидел у губернатора. Дай, думаю, навещу.

Хо Ляньюнь вежливо улыбнулся в ответ:

— Что же вы не предупредили, господин Цай? Мой скромный дом не готов к визиту столь важного гостя.

— Полно вам! — хохотнул вошедший. — Я весь прошлый год на границе провёл, месяцами нормальной еды не видел. А тут ещё с улицы почуял аромат жареного мяса — брюхо аж свело от голода. — Мужчина умолк, цепким взглядом окинув присутствующих, и хмыкнул: — Надеюсь, я не помешал маркизу принимать дорогих гостей?

— О каких гостях речь, господин Цай? Так, случайные знакомцы из здешних краев, с которыми пересёкся в странствиях. Ждали меня в Линьчжоу несколько дней. А тут я вернулся, вот домашние и затеяли праздничный ужин с дороги.

Цай Жун вскинул брови и только теперь обратил внимание на стоявшую рядом наложницу Му. Дружески похлопав Хо Ляньюня по плечу, он зычно расхохотался:

— Ну и везёт же тебе, молодой маркграф! Не то что нам, служивым сухарям. Когда я вернулся в столицу, матушка-императрица пыталась сосватать мне невест. Мне-то все по душе пришлось, да только ни одна девица не захотела связываться с таким неотёсанным солдафоном! Ну да ладно, пустое это.

Отшутившись, Хо Ляньюнь подал знак Му Цайтан. Та мгновенно распорядилась принести ещё один столик и поставить его между местами хозяина и Чжао Лои, приглашая генерала присесть.

Как только Цай Жун переступил порог, Ли Мэн инстинктивно вжал голову в плечи. Лишь когда гость увлёкся громким разговором с хозяином дома, юноша решился украдкой взглянуть на него. Лицо мужчины показалось смутно знакомым, но это были воспоминания глубокого детства. Должно быть, когда-то этот человек наносил визиты его отцу, Ли Линю. Впрочем, в их поместье перебивало столько чиновников, что сопоставить лица с чинами Ли Мэн просто не мог.

Опасаясь, что его тоже могут узнать, Ли Мэн старался держать голову опущенной и не привлекать внимания служивых людей. Исключением был разве что сам Хо Ляньюнь — тот был настолько хорош собой, что Ли Мэн с первой же секунды проникся к нему непреодолимой симпатией.

Снова полилась приглушённая музыка.

— Ешь, — тихо шепнул Чжао Лои, придвигая к юноше тарелку с тонко нарезанным ароматным мясом.

Присутствие этого «господина Цай» изрядно нервировало Ли Мэна, но жевание помогало хоть как-то отвлечься.

Генерал действительно не обратил на него ни малейшего внимания. Изрядно приложившись к кубку, он захмелел, прищурился и ткнул пальцем в сидевшего напротив молчаливого Ван Ханьчжи.

— А это что за юноша? Тоже твой приятель из бродяг, маркграф?

Хо Ляньюнь на мгновение растерялся и бросил вопросительный взгляд на Му Цайтан.

Наложница Му мягко забрала кубок из его рук, наполнила его вином и с кроткой улыбкой произнесла:

— Господин совсем запамятовал. Это же младший сын лекаря Цюя — того самого, что спас жизнь нашей тётушке Чэнь при тяжёлых родах. Лекарь уехал по делам в дальние края и оставил мальчика под присмотром тётушки. А вы перед отъездом обмолвились, что старой госпоже тоскливо одной, и велели мне привезти юношу в усадьбу, дабы он погостил у неё и развлёк беседой.

Хо Ляньюнь прижал ладонь к виску и сокрушённо покачал головой:

— Совсем голова дырявая стала.

Цай Жун криво усмехнулся и салютовал Ван Ханьчжи кубком:

— Надо же, приёмыш из дома Чэнь. Ну, держись у меня те писари из управы... Наберут же бездельников! Нарисовали на розыском листе сына бунтовщика Ван Ба точь-в-точь как молодого господина Цюя. Я как вошёл да глянул — аж хмель выветрился. Думал грешным делом, наш маркграф с изменниками якшается. Вы уж не сердчайте, господа! Я искуплю вину чашей до дна, а вы составьте мне компанию. Молодой господин Цюй, выпьете со мной?

— Конечно-конечно, выпьем вместе! Господин Чжао, прошу, разделите с нами чашу, — охотно поддержал Хо Ляньюнь, делая вид, будто ни капли не задет намёками генерала.

Цай Жун осушил кубок и сощурился, глядя перед собой. Трудно было понять, следит ли он за изгибами тел танцовщиц или буравит тяжёлым взглядом Ван Ханьчжи сквозь марево алых шелков.

Пир затянулся до поздней ночи. Цай Жун набрался до беспамятства, и Хо Ляньюню пришлось лично провожать его до ворот. Даже когда они скрылись в темноте сада, издалека ещё долго доносился пьяный ор генерала:

— Ходить под государем — что с тигром спать! Как же я завидую тебе, братец! Титул по наследству, живи в своё удовольствие, гуляй, пей... А мне даже на праздники покоя нет, рыщу по лесам да разбойников ловлю. Не жизнь, а каторга! Да ещё этот Чэнь палки в колёса вставляет...

Пьяные жалобы гостя потонули в тяжёлом вздохе. Ли Мэн уловил этот звук и понял, что вздохнула стоявшая неподалёку Му Цайтан.

Она тут же взяла себя в руки и ровным, спокойным голосом велела слугам проводить гостей в отведённые им покои — словно и не было той мимолётной слабости.

Служанка довела их до дверей флигеля и, поклонившись, удалилась, предупредив, что если господам что-то понадобится, слуги дежурят у ворот усадьбы.

Отсутствие лишних глаз только радовало. Рядом был Чжао Лои, а больше Ли Мэну никто и не требовался. Два года полудикой жизни наёмника приучили его всегда быть настороже. Когда вокруг крутится прислуга, приходится постоянно следить за каждым словом и жестом. Из-за этого он научился спать спокойно, чутко реагируя на шорохи.

Помыв с дороги ноги, Ли Мэн понял, что сна нет ни в одном глазу — он знатно выспался ещё днём. В это время Чжао Лои переоделся в тёмное ночное одеяние для вылазок. В дверях он пересёкся с Ван Ханьчжи, но не удостоил его и словом. Лишь легонько потрепал Ли Мэна по макушке, перед тем как бесшумно взмыть на крышу.

Юноша уселся на пороге, прижав к себе кота Ван Ханьчжи. Ленивый зверь, казалось, пребывал в вечной спячке: свернулся пушистым клубком и безмятежно посапывал.

— Ты чего не моешься? От тебя так и несёт потом, — Ли Мэн покосился на стоявшего рядом Ван Ханьчжи. Помолчав, он добавил: — Через пару дней мы уедем в Жуйчжоу. Забудь про этого генерала. Даже если он тебя заподозрил, здесь, в гостях у маркграфа Цзиньяна, он ни за что не посмеет поднять руку на гостя.

Ван Ханьчжи судорожно сжал кулаки, упёршись ими в колени.

— На тебе же нет клейма, что ты сын Ван Ба, — попытался подбодрить его Ли Мэн.

Ван Ханьчжи мгновенно стал мертвенно-бледным.

Ли Мэн осёкся и нервно сглотнул.

— Постой... Неужели всё-таки есть?

Вместо ответа Ван Ханьчжи медленно закатал левый рукав. Его крепкая, тренированная рука была развита куда лучше, чем у Ли Мэна. Чуть ниже плеча на коже темнело причудливое клеймо — тончайший, искусно выжженный рисунок, напоминающий сложную чертёжную схему какого-то механизма.

— Мой отец прославился в Поднебесной благодаря созданию особого оружия — Огненных крючьев. Когда я появился на свет, он собственноручно выжег у меня на плече этот чертёж. И поклялся, что отныне каждый мужчина в роду Ван и каждый его личный преемник будет носить на себе это клеймо.

Ли Мэн долго вглядывался в хитросплетение линий, после чего осторожно заметил:

— Но ведь обычному человеку этот узор ни о чём не скажет. Разве можно по нему понять, как выковать такое оружие?

— Для простого зеваки это лишь каракули, — Ван Ханьчжи опустил рукав, скрывая шрам. — Но любой мало-мальски знающий мастер оружейных дел сразу поймёт, что здесь зашифровано.

— А ты сам? Разбираешься в этом? — поинтересовался Ли Мэн.

Юноша замялся, а затем понуро кивнул. Он снова помрачнел.

— И для чего вообще сдалась эта штукавина? — Ли Мэн сладко зевнул, отчего на ресницах выступили крохотные слезинки.

— Чтобы убивать.

Ли Мэн замолчал. В этот момент кот принялся настырно скрести когтями его бедро. Ли Мэн перехватил упрямого зверя за шкурку и виновато посмотрел на собеседника:

— Ты не подумай, мне очень интересно! Просто этот паршивец совсем замучил.

Ван Ханьчжи понимающе хмыкнул:

— Я его вообще стараюсь не замечать. У него скверный нрав, да ещё и храпит по ночам как старый дед.

— Да? А я и не слышал, — удивился Ли Мэн. Кот тем временем поудобнее устроился у него на коленях, уткнувшись носом в полу халата. Вздохнув, Ли Мэн решил, что поможет попозже, и вернулся к прерванному разговору: — Обычным мечом тоже можно лишить жизни. Неужели изобретение твоего отца настолько уникально?

— Это не просто клинок, а целая система ловушек, созданная специально против конницы. Сначала калечит лошадей, а затем уничтожает всадников. В обычных схватках один на один от неё мало толку, да и мастера боевых искусств редко бьются верхом. Но по-настоящему знаменитыми эти чертежи стали, когда тайная служба выкупила более сотни таких комплектов для борьбы с кочевниками Бэйди. Войска Великой Цинь годами терпели поражения от степняков, но после той битвы наши полководцы осознали, что хитрые военные механизмы важны не меньше, чем боевые построения.

— Да уж, истинные таланты всегда скрываются в народе, — качнул головой Ли Мэн.

— Из-за этого наша усадьба никогда не знала нужды, — в голосе Ван Ханьчжи промелькнула гордость, которая, впрочем, тут же угасла. Он понуро опустил плечи и тихо спросил: — Как

думаешь, кто этот господин Цай? Какой у него чин?

— Повадками он чистый вояка, да и манера говорить у него бесцеремонная. Сам же обмолвился, что весь прошлый год провёл на границе. Если разузнать, кого из боевых генералов недавно перевели со службы в столицу, в Чжунъянь, ответ найдётся сам собой. И ещё... судя по всему, среди его старых соратников числился военачальник по фамилии Чэнь, но сейчас они в контрах. — Стоило Ли Мэну произнести фамилию «Чэнь», как он едва заметно помрачнел.

Ван Ханьчжи заметил эту перемену:

— Знаешь кого-то с такой фамилией?

Ли Мэн мотнул головой:

— Нет, вряд ли это он.

Видя, что собеседник не настроен на откровения, Ван Ханьчжи не стал настаивать. Их отношения по-прежнему оставались натянутыми. Возможно, когда-нибудь они станут названными братьями по оружию, а возможно — разойдутся как в море корабли. И всё же Ли Мэну, которого так надёжно оберегал Чжао Лои, стало искренне жаль неприкаянного попутчика. Он убрал руку с загривка кота, ласково взъерошил вихры на голове Ван Ханьчжи и подбодрил его:

— Ты держись поближе к моему наставнику. Даже если он откажется брать тебя в ученики, гордость не позволит ему бросить знакомого на растерзание ищейкам.

— Спасибо на добром слове, — вздохнул Ван Ханьчжи. — Только вот когда твой учитель решит со мной поговорить — одному небу известно.

— А у тебя за душой ещё остались тайны? — любопытствовал Ли Мэн.

— Почти нет.

— Плохи твои дела. Без тайных козырей ты для него бесполезен, так что он запросто может оставить тебя здесь.

Юноша лишился дара речи. От таких перспектив по спине пробежал холодок.

— Тогда... может, сказать ему, что мне ведомо, где спрятан Свиток Сотни Оружий?

— Если соврѣшь, он тебе башку снесёт и скормит псам, — обыденным тоном заметил Ли Мэн, задумчиво разглядывая потолок.

От этих слов Ван Ханьчжи окончательно прошиб холодный пот. Пробормотав, что ему срочно нужно помыться, он поспешно скрылся в своей комнате.

Ли Мэн собирался дожидаться Чжао Лои на веранде. Какое-то время он разглядывал висевшие под крышей расписные восьмиугольные фонари. На каждом красовался свой сюжет: то Бессмертные, переплывающие море, то лунная дева Чанъэ, то стрелок Хоуи, целящийся в солнце, то пышный выезд богини Сиванму. Рассматривать картинки было интересно, но вскоре у юноши затекла шея, и он перебрался в спальню, решив подождать наставника в постели.

Проворочавшись с боку на бок, он в раздражении поднялся. В голову пришла мысль достать Меч Безрассудства и хорошенько протереть клинок.

Запустив руку в дорожный узел, Ли Мэн обнаружил там несколько незнакомых книг. Он вытащил их на свет. Три книжицы оказались самодельными тетрадями с картинками, подробно описывающими приёмы владения мечом и рукопашного боя. Юноша вспомнил, как во время их пребывания в «Обители праздных» Чжао Лои постоянно корпел над какими-то листами, ревниво скрывая их от чужих глаз. Должно быть, наставник готовил для него учебное пособие. Ли Мэн довольно улыбнулся и отложил их в сторону.

Рядом лежали одолженные у Сунь Тяньиня «Очерки о Великой Цинь» и ещё один свиток, который раньше не попадался ему на глаза. Приблизившись к светильнику, Ли Мэн развернул его — внутри оказались старинные предания о духах и нечисти. Юноша прочел пару страниц, как вдруг его взгляд зацепился за тонкую тетрадь в тёмно-синем переплёте без каких-либо надписей на обложке.

Тетрадь была сшита на редкость аккуратно, совсем не походила на грубые наброски Чжао Лои. Движимый любопытством, Ли Мэн взял её и небрежно перелистнул первую страницу.

Раздался глухой стук — от неожиданности юноша резко дёрнул рукой и смахнул локтем глиняный чайник. Тот с треском разлетелся на куски, а недопитый остывший чай хлынул на стол широкой лужей.

Ли Мэн так и подскочил. Чертыхаясь, он принялся поспешно вытирать пролитую жидкость полами халата. Вдруг за дверью послышались шаги. Перепугавшись до смерти, юноша мгновенно смёл все книги обратно в узел, оставив на столе лишь раскрытые «Очерки о Великой Цинь».

Вошедший Чжао Лои окинул взглядом разгром.

— Пролил чай? — он нахмурился, заметив тёмные пятна на его одежде. — Да ты и сам весь

вымок. Живо снимай мокрый халат, не хватало ещё простудиться.

Сердце Ли Мэна колотилось как безумное. Бормоча невнятное «сейчас-сейчас», он поспешил за ширму.

Перед глазами до сих пор стояли детальные рисунки из той синей тетради: двое мужчин, чьи тела сплелись в немыслимом, лишающем дара речи соитии. В былые времена старший брат, подшучивая над ним, в общих чертах объяснял основы любовных утех между мужчиной и женщиной. Ли Мэн, конечно, не был глупцом и не думал, будто близость между мужчинами ограничивается невинными поцелуями в губы, но полагал, что они лишь... обнимаются или ласкают друг друга. Откуда там взялось это?!

Подобное бесстыдство совершенно не укладывалось у него в голове.

«Разве можно вытворять подобные непотребства? — негодовал он про себя. — Это же противно всем законам природы!»

Из-за ширмы донёсся спокойный голос Чжао Лои:

— Мыться пойдёшь?

— Нет... не хочу, — поспешно отозвался юноша, лихорадочно стягивая халат. Он заговорил дрожащим голосом. — А ты? Будешь смывать пыль?

— Да, весь взмок за ночь.

— Тогда иди скорей... А я ложусь. Где мои чистые штаны?.. — Испугавшись, что наставник решит зайти за ширму и помочь ему, Ли Мэн торопливо выкрикнул: — Нашёл, нашёл! Всё, иди мойся, я спать!

Лишь когда хлопнула наружная дверь, юноша наконец выровнял дыхание. Он забрался под одеяло, но сон не шёл. В тишине ночи со двора донёсся мерный плеск воды — Чжао Лои, как обычно, не стал возиться с бадьёй и просто обливался ледяной водой из колодца.

Поддавшись неведомому порыву, Ли Мэн бесшумно выскользнул из постели, подобрался к окну и приоткрыл створку на ширину пальца. Прильнув к щели, он затаил дыхание.